
В ПОИСКАХ МЕДЕИ. КОММЕНТАРИИ

Брилева О. А.

Новый взгляд на памятники Тлийского могильника представила проф. Б. Тержан. В резюме к своей работе исследовательница пишет о том, что ею проанализированы «фигурные изображения, имеющие отношение к царской дочери Медее, сведения о которой переданы греческой традицией». Идея привлечения мифа о Медее к интерпретации археологических памятников Кавказа, которую я разделяю и поддерживаю, имеет давнюю традицию. В недавней публикации мною также использован миф о Медее при сравнении описания святилища, куда Медее сбежала из дома, узнав о смерти Ясона, с композицией на бронзовой пластине из Гамдлисцаройского клада, датируемого второй половиной или концом VIII — первой половиной VII в. до н. э. (Брилева 2011: 117).

Исследование Б. Тержан содержит ряд интересных наблюдений, но также некоторые положения и утверждения, с которыми я не могу согласиться.

Иллюстративный ряд работы, помимо сводных таблиц и рисунков, содержит карту распространения на Кавказе подвесок с головой барана (прил. 1 и рис. 14 в работе Б. Тержан). На предложенной мной карте представлены ареалы археологических культур Кавказа в сочетании с памятниками, указанными Б. Тержан (рис. 1; прил. 1). Миф об аргонавтах, Золотом руне и Медее связан с «златообильной» Колхидой, которую некоторые исследователи связывают с колхидской культурой. Однако автор статьи анализирует памятник, относящийся к другой археологической культуре и другому региону Кавказа — центральному варианту кобанской культуры. При этом круг аналогий подвескам с бараньей головой автор ограничил лишь вариантами кобанской культуры, исключив из ареала исследования колхидскую культуру. Напомним, что Медее жила со своим отцом — царем Айэтом и братом Аписиртом во дворце недалеко от морского побережья. Поэтому родина Медеи, скорее всего, находится у моря, куда могли добраться аргонавты, в то время как Тлийский могильник находится на территории Центрального Кавказа в труднодоступном высокогорном районе (близ с. Тлиа в Джавском районе Южной Осетии), с описания которого Б. Тержан и начинает свою статью. Попытка поиска Медеи в районе, расположенном высоко в горах и удаленном от моря, противоречит греческим мифам и поэтому представляется сомнительной.

Некоторые моменты, требующие уточнения, есть и в тексте. Обращают на себя внимание выводы, сделанные при анализе вооружения и элементов костюма. Выявив принцип уменьшения оружия в погребениях в зависимости от статуса или возраста погребенного, Б. Тержан провела анализ мужских захоронений. Анализ показал, что количество погребений с оружием составляет 60 %. Из них сопроводительный инвентарь в виде топора и кинжала встречается в 33 %, только кинжала — в 15 %, а только топора — в 5 % погребений. Из этой статистической выкладки сделан вывод о том, что 33 % погребений

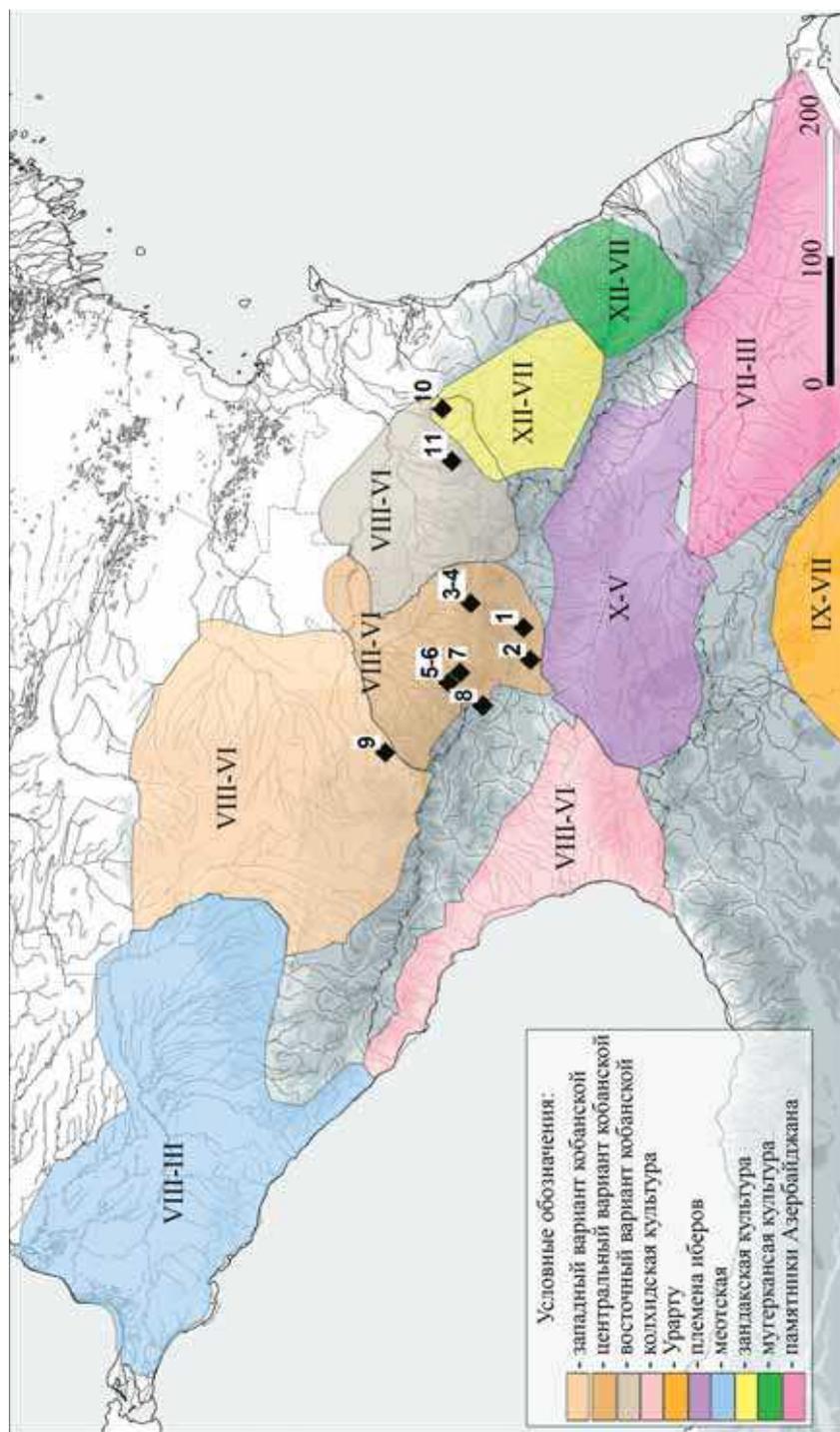

Рис. 1. Карта археологических культур Кавказа эпохи раннего железа и места находок подвесок с головой барана по Б. Тержан (1–11).

Fig. 1. Archeological cultures of the Caucasus in the Early Iron Age. 1–11 — places where pendants in the form of ram's head were found according to B. Teržan.

принадлежат «предводителям». Таким образом, получается, что 102 погребения из 280 (36 % всех погребенных) принадлежит «предводителям». Такое количество «предводителей» для одного могильника представляется неправдоподобным. Выбранный автором термин «предводители» для мужских погребений с топором и кинжалом вызывает вопросы. Его замена на термин «воины» снимет это противоречие.

Б. Тержан подметила ряд интересных закономерностей. Не обнаружив в женских погребениях фибул, она пришла к мысли об отсутствии их в женском костюме населения, оставившего Тлийский могильник, сочтя их атрибутом только мужского костюма.

Наиболее интересным и одновременно спорным выглядит раздел о мелкой пластике. Это сложная тема. Делая широкие обобщения на сравнительно маленькой выборке мелкой пластики, Б. Тержан пришла к выводу, что «в зависимости от пола умершего в могилы клались фигурки определенных видов животных: в женские — баран, собака, лошадь; в мужские — бык, олень и птица». Однако этот тезис не находит подтверждения в мелкой бронзовой пластике Кавказа, так как «женские» животные (баран, собака и лошадь) встречаются в сочетании с мужскими статуэтками гораздо чаще.

Б. Тержан обращает внимание, что «среди фигурок животных на первом месте находится баран». Сопоставив это утверждение с наблюдением о том, что мелкая пластика «находится, главным образом, в женских захоронениях», она приходит к выводу о связи культа барана с мифом о Медее. Однако единственная фигурка женщины в Тлийском могильнике была обнаружена вместе с двумя зооморфными статуэтками, но не баранов, а лошадей (погребение 244), что противоречит гипотезе автора рассматриваемой статьи. Этот комплекс был трактован ей как изображение Хозяйки животных — Хозяйки лошадей, «Потнии Терон» — божества лошадей, культа, распространенного во всем Восточном Средиземноморье. Такое утверждение может быть дополнено исследованием А. П. Мошинского, посвященным эволюции образа хозяина зверей в кобанской пластике. А. П. Мошинский отмечает, что «у различных кавказских народов существуют либо хозяин, либо хозяйка зверей. Причем образ Владычицы зверей более архаичен и восходит к образу богини плодородия» (Мошинский 1996: 111–113).

Действительно, сочетание в мелкой фигурной пластике Кавказа женщины и лошади встречается, хотя и в гораздо меньшей степени, чем сочетание мужчины и лошади. Однако сочетание в одном закрытом комплексе женской статуэтки и фигурки барана пока не встречено. Зато зафиксировано четыре случая сочетания барана со статуэткой мужчины, зачастую в сопровождении коня и, реже, собаки. Рассмотрим эти случаи.

На территории колхидской культуры были найдены «эгретки» — ажурные изогнутые пластины с колокольчиками и мелкой пластикой. Одну такую пластину нашли возле головы погребенного, поэтому возникло предположение, что «эгретка» является частью специфического головного убора. На трех «эгретках» известны изображения трех пар голов барана в сочетании с антропоморфной скульптурой. Центральную часть таких ажурных пластин занимает изображение мужчины на коне (рис. 2: 1–2), в одном случае всадника сопровождает собака (рис. 2: 3).

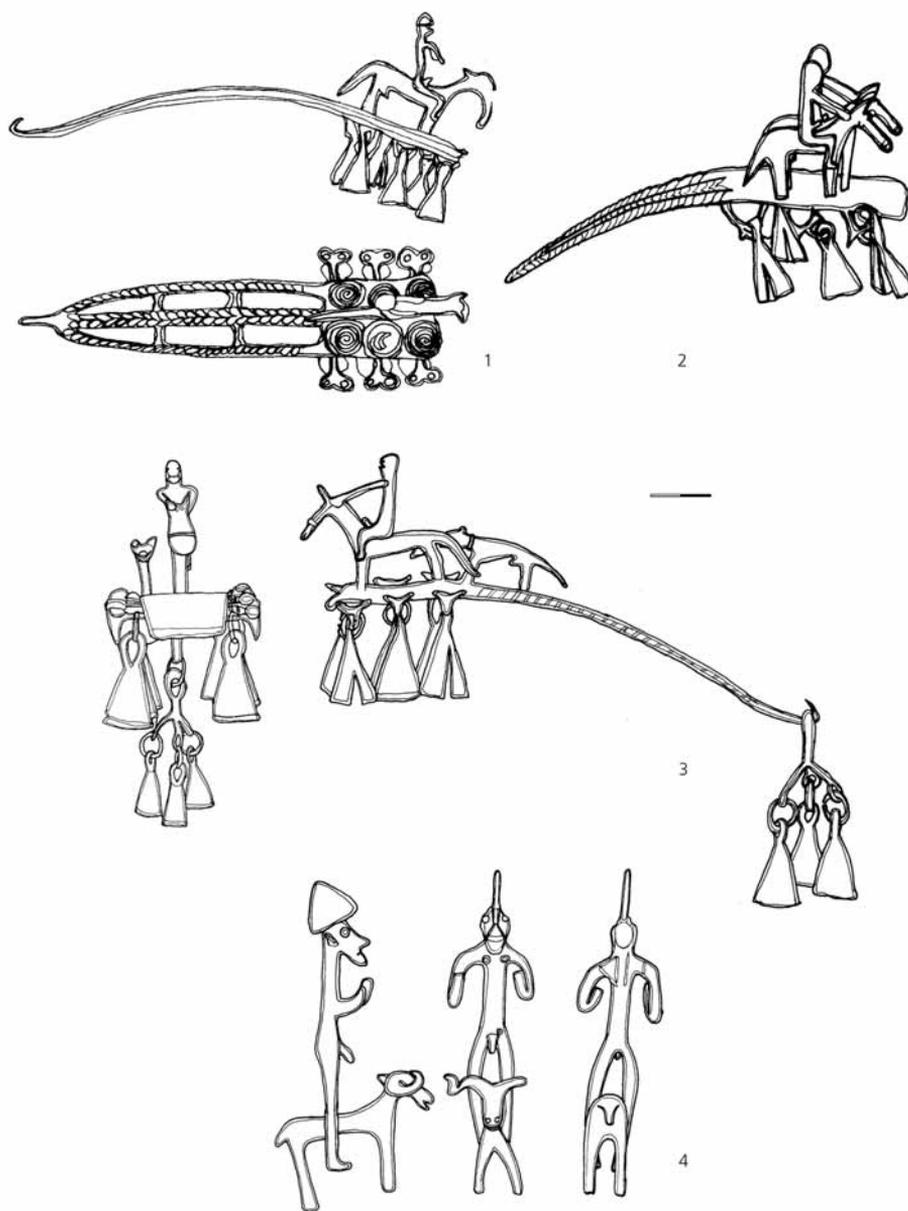

Рис. 2. Бронзовая антропоморфная пластика Кавказа. Сочетание скульптурных изображений мужчины и барана: 1–2 — Бамборская поляна; 3 — Нижняя Эшера; 4 — Химой (по Лукин 1941; Шамба 1972; Мошинский 2005).

Fig. 2. Bronze anthropomorphic figurines of the Caucasus. Combinations of sculpture images of men and sheep: 1–2 — Bamborskaya polyana; 3 — Nijnnyaya Eshera; 4 — Himoy (after Лукин 1941; Шамба 1972; Мошинский 2005).

С Бамборской поляны (окраина г. Гудауты в Абхазии) происходит найденная в 1911 г. в грунтовом погребении «эгретка» с фигурой всадника и тремя парами бараньих голов, к которым привешены колокольчики (рис 2: 1). По донцу аттического скифоса типа А она датируется второй четвертью V в. до н. э. (Лукин 1941: 62, 70).

Вторая «эгретка» с парным изображением всадников в сочетании с тремя парами бараньих голов (рис. 2: 2), по мнению А. Л. Лукина, также происходит с Бамборской поляны и может быть датирована тем же периодом (Лукин 1941: 62, 70, табл. XXII).

В с. Нижняя Эшера (Сухумский район Абхазии) в «погребении воина-жреца», раскопанного в 120 м от Эшерского городища, возле черепа погребенного была найдена «эгретка» со скульптурой всадника и собакой в ошейнике в сопровождении трех пар бараньих голов с колокольчиками (рис. 2: 3) (Шамба 1972: 98–109). Импортные предметы позволяют надежно датировать комплекс 30-ми годами IV в. до н. э. (Шамба 2000: 111–112).

Другой вид скульптурной композиции представлен отдельно стоящей скульптурой мужчины в шлеме, восседающего на баране (рис. 2: 4). Фигурка происходит из окрестностей сел. Химой в Чечне (Мошинский 2005: 75). Всадник и фигурка барана были изготовлены отдельно друг от друга и закреплены по принципу звеньев одной цепи, сведенными вместе стопами человека под животом барана. Изображения всадников не на лошади, а на хищном (лисе, волке) или травоядном (лани) животном встречаются в VIII–VI вв. до н. э. (мог. Борнигеле, Сагареджи). А. П. Мошинский отнес рассматриваемый экземпляр к VIII–VII вв. до н. э. (Мошинский 2005: 75).

Таким образом, известно четыре сочетания изображенных в скульптуре мужчины и барана, в то время как изображения женщины в сочетании с бараном не встречено. Однако бронзовые статуэтки женщин встречаются в сочетании с лошадью, как в погребении 244 могильника Тли. Известны четыре статуэтки женщины, сидящей на коне, и одно изображение женщины, стоящей на нем. Рассмотрим эти случаи.

Изображение сидящей на коне женщины отличается особым способом ее посадки, когда ноги расположены на правом боку животного, правой рукой она держится за гриву коня, а левую подняла на уровень груди. Две статуэтки (рис. 3: 1–2) были найдены на нижней площадке могильника Мухурча (Микеладзе 1990: табл. XXXVI: б), находящегося в 1 км к северо-западу от сел. Мухурча, на правом берегу реки Абаша (Цхакаевский район Грузии). Здесь исследованы 2 погребальные площадки (верхняя и нижняя), на каждой из которых было захоронено несколько десятков человек. Нижняя, или ранняя, площадка могильника частично разрушена. В заполнении могильной ямы были выявлены отдельные скопления человеческих костей, свидетельствующие о вторичном обряде погребения, фрагменты керамики, сердоликовые и пастовые бусы, бронзовые подвески в полтора оборота с ладьевидными концами, а также восемь бронзовых фигурок. Нижняя погребальная площадка датирована Э. М. Гогадзе VIII — первой половиной VII в. до н. э. (Гогадзе и др. 1977: 64).

Подобная же статуэтка женщины на коне (рис. 3: 3) происходит из погребальной ямы 4 могильника Эргета III (Гамбашидзе и др. 1991: 25–26). Могильная яма овальной формы большого размера с галечными закладами содержала

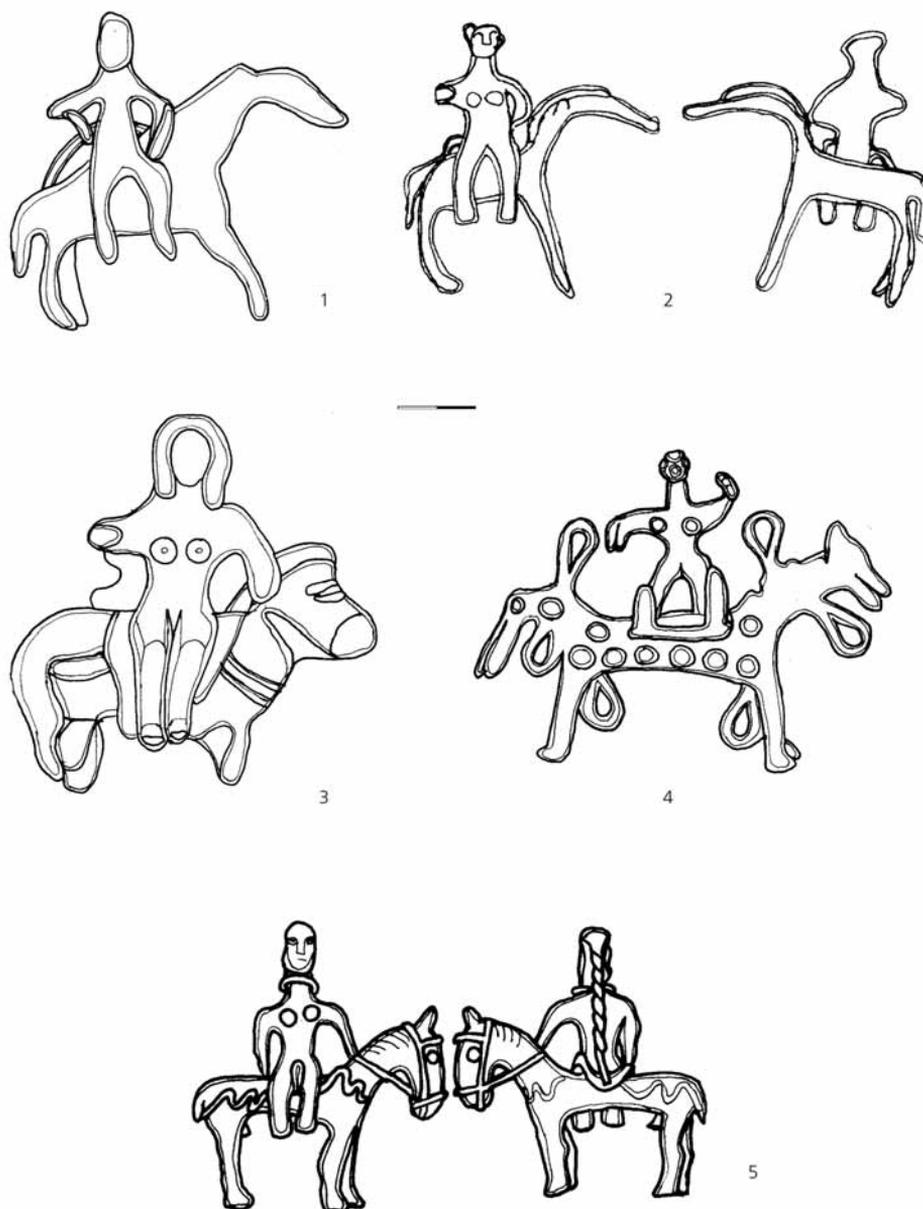

Рис. 3. Бронзовая антропоморфная пластика Кавказа. Сочетание скульптурных изображений женщины и лошади: 1–2 — нижняя площадка мог. Мухурча; 3 — Эргета III; 4 — Северная Осетия, случайная находка; 5 — Гигатлинский клад (по Микеладзе 1990; Марковин 1986; Гамбашидзе и др. 1991; Curtis 2004).

Fig. 3. Bronze anthropomorphic figurines of the Caucasus. Combinations of sculpture images of women and horses: 1–2 — lower ground of the Muhurcha cemetery; 3 — Ergeta III; 4 — North Ossetia, occasional find; 5 — Gigatlinsky hoard (after Микеладзе 1990; Марковин 1986; Гамбашидзе и др. 1991; Curtis 2004).

вторичное захоронение. Погребение датируется авторами второй половиной VII — первой половиной VI в. до н. э.

Известна скульптура всадницы из Дагестана (рис. 3: 5), сидящей в схожей манере на коне (Марковин 1986: рис. 14: 3). Однако эта фигурка была найдена в составе клада (Гигатлинский клад), который был отнесен мной к более позднему времени III–V вв. н. э. (Брилева 2012).

Из Северной Осетии происходит уникальная статуэтка женщины, стоящей на спине сказочного животного с двумя головами (рис. 3: 4) (Curtis 2004: fig. 168). Эта статуэтка всадницы уникальна и по количеству приспособлений для крепления, и по стилистике изображения. Скульптуру животного сложно соотнести с каким-нибудь реально существующим видом, однако стоит отметить, что оно не имеет черт барана.

В мелкой пластике изображения двухголового животного («тяни-толкая») с всадницами встречаются на Южном Кавказе, в Каппадокии и Иране. Известна фигурка «тяни-толкая» из погребения 244 Тлийского могильника в Южной Осетии (Техов 1980: рис. 105: 5). Она лежала на кольцевом поддоне бронзовой кружки вместе с женской фигуркой и двумя скульптурками лошадей, одна из которых — двухголовое животное (Техов 1980: 41). Это захоронение Б. Б. Техов датировал XII–X вв. до н. э. (Техов 1977: 177), Ю. Н. Воронов — VIII — первой половиной VII в. до н. э. (Воронов 1980: 201, прим. 9), В. И. Козенкова — второй половиной X — началом VII в. до н. э. (Козенкова 1996: 98), тогда как Микеладзе — рубежом VII–VI вв. до н. э. (Микеладзе 1990: 56–57) и А. Ю. Скаков — VII–VI вв. до н. э. (Скаков 1999: 123).

Отдельные двухголовые изображения с головами коз и оленей зафиксированы на территории крепости Нор Баязед в Армении (Есаян 1980: 43). В работе О. В. Мускарелла приведены три бронзовые статуэтки «тяни-толкаев» (Muscarella 1988: fig. 361–363). На каждом из них изображены головы разных животных: хищника, травоядного и птицы. В центре туловища имеется петля для подвешивания. Две из них были куплены на рынке в Анатолии и предположительно отнесены исследователями к луристанским бронзам. В работах различных авторов они датированы в пределах VIII–VII вв. до н. э. (Moorey 1971: 233; Calmeyer 1972: No. 68). М. И. Ростовцев считал, что эти фигурки происходят из окрестностей озера Ван (Rostowzew 1931: 55). Еще одна фигурка была найдена в Сузах, она недокументирована. О. В. Мускарелла считает, что подобные сказочные существа появились в античное время (Muscarella 1988: 270) и предлагает для них широкую дату — I тыс. до н. э. Как видно, сочетание двухголового животного и стоящей на нем женщины — мотив редкий и, без сомнения, заслуживает своего дальнейшего изучения.

Таким образом, случаи сочетания изображения женщины и коня в мелкой пластике Кавказа известны, в отличие от сочетания изображения женщины и барана. Поэтому наблюдение Б. Тержан о связи женских изображений с лошадьми представляется более перспективным направлением для дальнейших исследований, чем разработка тезиса о том, что «погребальные обычаи и миф о Медее оказывали взаимное влияние друг на друга». Однако подчеркнем, что наблюдения Б. Тержан содержат ряд интересных положений и требуют дальнейших детальных разработок.

Приложение 1. Археологические культуры Кавказа в раннем железном веке (см. рис. 1).
 Sup. 1. The archeological cultures on the Caucasus on the Early Iron Age (s. fig. 1).

Археологическая культура	Границы	Источник	Время бытования
Западный вариант кобанской культуры	Западная часть центрального Кавказа (ее горно-предгорная часть) и водная система Эльбруса. Южная граница — по Главному Кавказскому хребту. Западная граница — по верховьям левого берега р. Уруп, притока Кубани, и по западной части Ставропольского плато. Северная граница — по Ставропольской возвышенности, по линии Ставрополь — Буденновск. Восточная граница — правобережье р. Кумы, междуречье Баксана и Чегема	Крупнов 1960; Козенкова 1989, 1996	VIII–IV вв. до н. э.
Центральный вариант кобанской культуры	Территория Северной и Южной Осетии или ойкумена Казбека с его горно-предгорной и водной системами. Южная граница — предгорная зона Южной Осетии в бассейнах рек Большая Лиахва, Малая Лиахва, Ксани, верховья Арагви — по линии Стырфаз — Цхинвали — Душети. Северная граница — в пределах Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, по среднему течению реки Терек (по линии Ново-Ивановское — Майский — Моздок). Западная граница — в Закавказье — по Рачинскому и Сурамскому хребтам (Брили, Лечхум, Сурмуши), а на северном склоне в междуречье Баксана	Крупнов 1960; Козенкова 1989, 1996	VIII–IV вв. до н. э.
Восточный вариант кобанской культуры	Северо-восточная часть Кавказа: бассейн р. Сунжи и среднее течение Терека. Южная граница — по верховьям рек Шаро-Аргун и Чанты-Аргун и по северным отрогам Пастбищного и Андийского хребтов. Северная граница — Правобережье Терека. Западная граница — в междуречье Ассы и Терека. Восточная граница — по бассейну р. Аксай, захватывая частично ее правый берег	Козенкова 1989	VIII–IV вв. до н. э.
Меотская культура	Долина р. Кубань, Черноморское побережье, побережье Азовского моря	Анфимов 1954; Эрлих 2007: рис. 12	VIII–III вв. до н. э.
Колхидская культура	Колхидская равнина и примыкающие к ней с севера и юга предгорья и горы	Лордкипанидзе, 1979	VIII–IV вв. до н. э.

Археологическая культура	Границы	Источник	Время бытования
Урарту	Долина между р. Аракс и оз. Севан, оз. ан и оз. Резайе (Урмия)	Пиотровский 1949; Погребова 1984	IX–VII вв. до н. э.
Иберия	Шида-Картли, Квемо-Картли, Эрцо-Тианети, Кахетия, Тори, Месхети, Джавахети	Лордкипанидзе 1985	X–V вв. до н. э.
Зандакская культура	Восточная Чечня и горные районы Дагестана до Дербента	Котович 1982; Давудов Ш. 2004	XII — середина VII в. до н. э.
Мугерганская культура	Горные районы Дагестана и прибрежная зона от Дербента на север	Давудов О. 1984	XII — середина VII в. до н. э.
Азербайджан в РЖВ	Долина р. Куры и р. Аракс	Халилов 1985	VII–III вв. до н. э.

Литература

- Анфимов Н. В. 1954. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Брилева О. А. 2011. Гамдлицсаройский клад и проблемы его интерпретации // Мамаев Х. М. (ред.). Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный, М.: ИА РАН; Институт гуманитарных исследований АН ЧР, 114–121.
- Брилева О. А. 2012 (в печати). Гигатлинский клад и проблемы его интерпретации // XXVII Крупновские чтения. Махачкала.
- Воронов Ю. Н. 1980. Диоскуриада-Сébastополис-Цхум. М.: Наука.
- Гамбашидзе О. С., Квижинадзе К. Д., Гамбашидзе И. О. 1991. Основные результаты работ Месхет-Джавахетской экспедиции в 1985–1986 гг. // Полевые археологические исследования в 1986 г. Тбилиси: Мецниереба, 25–28.
- Гогадзе Э. М., Панцхава Л. Н., Дариспанашвили М. В. 1977. Работы Носири-Мухурчской археологической экспедиции в 1974–1975 гг. // АЭГМГ V, 60–71 (на груз. яз, резюме на рус. яз.).
- Давудов О. М. 1984. О происхождении и путях развития зандакской культуры // Тезисы докладов научной сессии, посвященные итогам археологических экспедиций ИИЯЛ в 1982–1983 гг. Махачкала, 4–5.
- Давудов Ш. О. 2004. Северо-Восточный Кавказ на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа (зандакская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала.
- Есаян С. А. 1980. Скульптура древней Армении. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР.
- Козенкова В. И. 1989. Кобанская культура Кавказа // Мелюкова А. И. (ред.). Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 252–267.
- Козенкова В. И. 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ИА РАН; Ленон-ЛТД.
- Котович В. Г. 1982. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука.
- Крупнов Е. И. 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР.

- Лордкипанидзе О. Д.* 1979. Древняя Колхида (миф и археология). Тбилиси: Мецниереба.
- Лордкипанидзе О. Д.* 1985. Племена Иберии // Кошеленко Г. А. (ред.). Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 41–43.
- Лукин А. Л.* 1941. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // Труды ОИПК ГЭ 1. Л.: ГЭ, 1–68.
- Марковин В. И.* 1986. Культурная пластика Кавказа // Марковин В. И. (ред.). Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 74–124.
- Микеладзе Т. К.* 1990. К археологии Колхиды (эпоха средней и поздней бронзы — раннего железа). Тбилиси: АН ГССР.
- Микеладзе Т., Мухелишвили Д., Хашутайшвили Д.* 1981. Колхидская археологическая экспедиция // Лордкипанидзе О. и др. (ред.). Полевые археологические исследования в 1978 г. Тбилиси: Мецниереба, 43–48.
- Мошинский А. П.* 1996. Образ хозяина зверей в кобанской пластике // Между Азией и Европой. Кавказ в VI–I тыс. до н. э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. СПб.: ГЭ, 111–113.
- Мошинский А. П.* 2005. На краю мира // Журавлев А. (ред.). Мастера бронзового века. М.: Бук Хаус, 68–87.
- Пиотровский Б. Б.* 1949. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Курс лекций. Л.: ЛГУ.
- Погребова М. Н.* 1984. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.: Наука.
- Скаков А. Ю.* 1999. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Марковин В. И. (ред.). Древности Северного Кавказа. М.: ИА РАН, 121–131.
- Техов Б. В.* 1977. Центральный Кавказ в XVI–X до н. э. М.: Наука.
- Техов Б. В.* 1980. Тлийский могильник I (комплексы XVI–X вв. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба.
- Халилов Д. А.* 1985. Племена на территории Азербайджана // Кошеленко Г. А. (ред.). Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 43–48.
- Шамба Г. К.* 1972. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера // Известия Абхазского института языка, литературы и истории 1, 98–112.
- Шамба Г. К.* 2000. Абхазия в I тысячелетии до нашей эры. Сухум: Алашара.
- Эрлих В. Р.* 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.: Наука.
- Calmeyer P.* 1972. Vor- und Frühgeschichtliche Zeit // Kussmaul F. (Hrsg.). Das Tier in der Kunst Irans: [Ausstellung des Linden-Museums in Zusammenarbeit mit dem Institut für Auslandsbeziehungen, 22. Juli bis 8. Oktober 1972, Linden-Museum, Stuttgart: Linden-Museum, № 53–80.
- Curtis J., Kruszynski M.* 2006. Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum. London: British Museum.
- Moorey P. R. S.* 1971. Catalogue of the ancient Persian bronzes in the Ashmolean Museum. Oxford: Clarendon Press.
- Muscarella O. W.* 1988. Bronze and Iron. Ancient Near East Artefacts in the Metropolitan Museum of art New York. New York: Metropolitan Museum.
- Rostowzew [Rostovtzeff] M. I.* 1931. Skythen und der Bosphorus. Kritische Übersicht der schriftlichen und archäologischen Quellen. Allein berechtigte Übersetzung aus dem Russischen, neu bearbeitet für Deutschland und mit neuem Kartenmaterial versehen. Berlin: H. Schoetz & Co. GmbH.